

Содержание

Предисловие.....	7
1. Новая эпоха господства Америки	17
2. Независимая Индонезия	46
3. Рога пообломаем, и Поуп в небесах	88
4. Альянс ради прогресса	108
5. В Бразилию и обратно	127
6. Движение 30 сентября.....	156
7. Истребление	189
8. В это время в мире.....	218
9. Джакарта грядет.....	247
10. Возвращение Севера	286
11. Мы чемпионы	316
12. Где они сейчас? И где мы?	331
<i>Приложение 1</i>	<i>353</i>
<i>Приложение 2</i>	<i>355</i>
<i>Приложение 3</i>	<i>357</i>
<i>Приложение 4</i>	<i>358</i>
<i>Приложение 5</i>	<i>360</i>
<i>Благодарности</i>	<i>361</i>
<i>Примечания</i>	<i>365</i>
<i>Данные, представленные на карте</i>	<i>409</i>
<i>Примечание об адресах интернет-страниц.....</i>	<i>411</i>
<i>Предметно-именной указатель.....</i>	<i>412</i>

Предисловие

В мае 1962 г. маленькая девочка по имени Инь Джиок Тан поднялась на борт ржавой старой посудыны в индонезийской Джакарте. Ее страна, одна из крупнейших в мире, была втянута в глобальную битву между капитализмом и коммунизмом, и ее родители договорились бежать от ужасных для обычных людей последствий этого конфликта. Они решили направиться в Бразилию, прослышав от других индонезийцев, уже проделавших этот путь, что там можно обрести свободу, шанс на лучшую жизнь и передышку от конфликтов. Однако они почти ничего не знали об этой стране. Бразилия была для них всего лишь идеей — почти мечтой. На протяжении 45 дней терзаемые тревогой и морской болезнью они миновали Сингапур, прошли через Индийский океан до Маврикия, спустились вдоль берегов Мозамбика, обогнули Южную Африку, а затем пересекли Атлантику и прибыли в Сан-Паулу, крупнейший город Южной Америки.

Если они рассчитывали спастись от насилия холодной войны, то трагическим образом ошиблись. За два года до их прибытия военные свергли молодую бразильскую демократию и утвердили жестокую диктатуру. Затем новоиспеченные индонезийские иммигранты в Бразилии стали получать с родины послания, в которых описывались самые ужасающие картины, какие только можно себе представить: вспышка насилия, настоль-

ко жуткого, что сама мысль о нем могла бы сломать человека и повредить его рассудок. Все невообразимое, о чем им рассказывали, оказалось правдой. Из этой апокалиптической бойни родилось заваленное изуродованными трупами новое индонезийское государство — один из самых верных союзников США, чтобы затем практически исчезнуть с исторического горизонта. То, что произошло в Бразилии в 1964 г. и в Индонезии в 1965 г., возможно, самые важные победы, одержанные в холодной войне той из сторон, что в конце концов вышла из нее триумфатором, — Соединенными Штатами и действующей в настоящее время мировой экономической системой. Более того, эти события относятся к числу самых важных в том процессе, который, в сущности, предопределил жизнь практически каждого человека. Обе страны были независимыми, занимая промежуточное положение между мировыми капиталистическими и коммунистическими сверхдержавами, но в середине 1960-х гг. однозначно оказались в лагере США.

Официальные лица из Вашингтона и нью-йоркские журналисты, безусловно, понимали в то время, какую важность представляют эти события. Они знали, что Индонезия, ныне четвертая по численности населения страна в мире, — намного более ценный приз, чем тот же Вьетнам¹. Всего за несколько месяцев внешнеполитическое ведомство США достигло здесь того, чего не смогло добиться за десять кровавых лет войны в Индокитае.

Диктатура в Бразилии, в настоящее время пятой по численности населения стране, сыграла определяющую роль в подталкивании остальных государств Южной Америки в группу поддержки Вашингтона и в сторону антикоммунизма. Советский Союз практически не участвовал в том, что происходило в обеих этих странах.

Самым шокирующим и самым главным для этой книги является то обстоятельство, что события в Бразилии и Индонезии привели к созданию чудовищной международной сети истребления — систематическим массовым убийствам гра-

жданских лиц, охватившим большое число стран, что сыграло важнейшую роль в построении мира, в котором мы сегодня живем.

Если человек сам не живет в Индонезии или не изучает ее профессионально, то, скорее всего, очень мало знает о ней — и почти ничего не знает о том, что произошло в этом государстве-архипелаге в 1965–1966 гг. Индонезия остается огромным провалом в коллективном знании даже среди людей, осведомленных о Карибском кризисе, войне в Корее или Пол Поте либо способных с легкостью перечислить основные факты о самой населенной в мире стране (Китай), второй по населенности (Индия) или даже шестой и седьмой из этого списка (Пакистан и Нигерия). Даже в среде журналистов-международников лишь немногие знают, что Индонезия — крупнейшая в мире страна с мусульманским большинством, не говоря уже о том, что в 1965 г. там действовала самая многочисленная в мире коммунистическая партия за пределами Советского Союза и Китая.

Правда о насилии 1965–1966 гг. десятилетиями оставалась скрытой. Диктатура, установившаяся после него, лгала миру, а выжившие жертвы были брошены в тюрьму или слишком запуганы, чтобы говорить. Лишь в результате усилий героических индонезийских активистов и самоотверженных ученых всего мира мы можем теперь рассказать эту историю. Серьезным подспорьем стали документы, недавно рассекреченные в Вашингтоне, хотя многое из того, что произошло, по-прежнему окутано тайной.

Скорее всего, Индонезия исчезла из мировой политики потому, что события 1965–1966 гг. обернулись для Вашингтона настоящим триумфом. Не погиб ни один американский солдат, ни один человек в самих США не подвергался опасности. Хотя индонезийские лидеры в 1950-х и 1960-х гг. играли колоссальную роль на международной арене, после 1966 г. от ее былой роли страны — возмутительницы спокойствия не осталось ровным счетом ничего. Тринадцать лет работы в качестве

международного корреспондента и журналиста научили меня, что дальние страны, стабильно и надежно занимающие проамериканскую позицию, источниками сенсаций не становятся. Изучив документы и посвятив много времени общению с людьми, пережившими те события, лично я пришел к другой, вызывающей глубокое беспокойство теории, объясняющей, почему эти эпизоды были забыты. Боюсь, что правда о случившемся настолько противоречит нашему представлению о том, чем являлась холодная война, что значит быть американцем или как именно происходила глобализация, что проще оказалось ее проигнорировать.

Эта книга адресована тем, кто не имеет специальных знаний об Индонезии, Бразилии, Чили, Гватемале или холодной войне, хотя я надеюсь, что мои интервью, исследования архивных документов и глобальный подход позволили мне сделать ряд открытий, которые могли бы заинтересовать и специалистов. Больше всего я надеюсь на то, что эта история дойдет до людей, желающих узнать, насколько непосредственно формировали нашу сегодняшнюю жизнь насилие и война с коммунизмом, где бы они ни осуществлялись — в Рио-де-Жанейро, на Бали, в Нью-Йорке или Лагосе.

Два события моей собственной жизни убедили меня, что произошедшее в середине 1960-х гг. в огромной мере продолжает влиять на нас — можно сказать, его призрак по-прежнему бродит по миру.

В 2016 г., шестой и последний год работая корреспондентом *Los Angeles Times* в Бразилии, я очутился в кулуарах бразильского Национального конгресса. Законотворцы четвертой по размерам демократии в мире готовились голосовать по вопросу об импичменте Дилме Русеф, бывшей участнице левого партизанского движения и первой женщине-президенту в истории страны. В одном из коридоров я углядел не особо значительного, однако неизменно разговорчивого правого конгрессмена по имени Жаир Болсонару и подошел к нему, чтобы

взять у него короткое интервью. К тому времени было широко известно, что политические соперники пытаются сбросить президента Русеф по формальным причинам и что организаторы ее отстранения от должности повинны в гораздо большей коррупции, чем она сама². Поскольку я был иностранным журналистом, то спросил Болсонару, не опасается ли он, что международное сообщество усомнится в легитимности более консервативного правительства, которое должно было ее заменить, да еще с учетом того, что сама процедура лишения власти законного президента вызывала много вопросов. Его ответы показали мне настолько не соответствующими общепринятым правилам политического хорошего тона, настолько бесцеремонным возрождением духа холодной войны, что я даже не стал включать их в интервью. А сказал он мне вот что: «Мир восславит то, что мы делаем сегодня, потому что мы не допускаем превращения Бразилии в еще одну Северную Корею». Абсурд в чистом виде. Русеф была левоцентристским лидером, и ее правительство можно было упрекнуть разве что в чрезмерном дружелюбии к гигантским корпорациям.

Прошло совсем немного времени, и Болсонару вышел к микрофону в зале Конгресса, чтобы сделать заявление, потрясшее страну: свой голос за импичмент он посвящает Карлосу Альберто Брильянте Устре — человеку, под руководством которого, в бытность его полковником, пытали Русеф во времена бразильской диктатуры. Это была откровенная провокация, попытка реабилитировать антикоммунистический правящий режим страны и стать национальным символом крайне правой оппозиции всему, чему только можно³.

Когда я брал у Русеф интервью несколько недель спустя — она ждала итогового голосования, в результате которого оказалась отстранена от должности, — наш разговор неизбежно обратился к роли Соединенных Штатов в делах Бразилии. Вспоминая о множестве случаев и способов вмешательства Вашингтона с целью свержения правительств в Южной Америке, многие ее сторонники задумывались, не стоит ли ЦРУ

и за этим. Сама она такую версию отрицала, объясняя случившееся результатами внутренних процессов в Бразилии⁴. В определенном смысле, однако, так было еще хуже: диктатура в Бразилии трансформировалась в разновидность демократии, способной самостоятельно избавиться от любого вроде Русеф или Лулы, кого экономические или политические элиты считали угрозой своим интересам, и вызвать демонов холодной войны, чтобы за них воевать, когда им только заблагорассудится.

Теперь мы знаем, насколько успешным оказался гамбит Болсонару. Два года спустя, когда он был избран на пост президента, я находился в Рио. Разногласия сразу же вылились на улицы. Крупные крепкие мужчины орали в адрес татуированных женщин со значками в поддержку соперничавшего кандидата: «Коммунисты! Убирайтесь! Коммунисты! Убирайтесь!»

В 2017 г. я двигался в направлении, диаметрально противоположном тому, которым перемещались Инь Джиок Тан и ее семья много лет назад. Я перебирался из Сан-Паулу в Джакарту, чтобы освещать события в Юго-восточной Азии для *The Washington Post*. Через несколько месяцев после моего прибытия группа ученых и активистов хотела провести небольшую конференцию для обсуждения событий 1965 г., но кто-то принялся распространять в социальных сетях обвинение, будто на самом деле это было собрание с целью возрождения коммунизма — по-прежнему, пятьдесят лет спустя, запрещенного в этой стране, — и в вечер мероприятия толпа направилась к месту его проведения — вскоре после того, как сам я ушел оттуда. Группы, состоявшие по большей части из мужчин-мусульман, теперь нередко участвующих в агрессивных демонстрациях на улицах Джакарты, окружили здание и заперли всех, кто был внутри. Моя молодая соседка Никен, профсоюзный организатор из центральной части Явы, провела в осаде всю ночь, в течение которой толпа колотила в стены, скандируя: «Раздавим коммунистов!» и «Сожжем их заживо!». Перепуганная, она посылала мне сообщения с просьбами привлечь

к происходящему внимание общественности, что я и сделал через «Твиттер». Довольно скоро мне стали поступать угрозы и обвинения в том, что я коммунист и чуть ли не член несуществующей индонезийской коммунистической партии. Я привык получать точно такие же сообщения в Южной Америке. Сходство было неслучайным. Истоки паранойи и там и там можно проследить вплоть до травматичного разрыва в середине 1960-х гг.

Лишь начав работать над этой книгой, беседовать со специалистами, свидетелями и выжившими, я понял, что значение этих двух исторических событий намного больше того факта, что свирепый антикоммунизм до сих пор существует в Бразилии, Индонезии и многих других странах, и что холодная война создала мир правящих режимов, воспринимающих любую социальную реформу как угрозу. Я пришел к выводу, что весь мир — и особенно страны Азии, Африки и Латинской Америки, мимо которых проплыла Инь Джиок вместе со своей семьей, — был преобразован волнами, исторгнутыми из Бразилии и Индонезии в 1964 и 1965 гг.

Я чувствовал огромное моральное обязательство изучить эту историю и изложить ее максимально точно. В каком-то смысле это кульминация десяти с лишним лет моей работы, но именно ради этой книги я посетил 12 стран и проинтервьюировал больше сотни человек на испанском, португальском, английском и индонезийском языках. Я рылся в архивных документах на всех этих языках, разговаривал с историками по всему миру и работал с ассистентами-исследователями из пяти стран. У меня было немного ресурсов для написания этой книги, но я вложил в нее все, чем обладал.

Насилие, захлестнувшее Бразилию, Индонезию и еще 21 страну мира, не было случайным или второстепенным по отношению к основным событиям мировой истории. Смерти не были «хладнокровными и бессмысленными» — или всего лишь трагическими ошибками, которые все равно ничего не изменили⁵. Наоборот! Насилие оказалось эффективным

базовым элементом более общего процесса. В отсутствие полной картины холодной войны и целей США во всем мире эти события кажутся невероятными, непостижимыми или крайне сложными для осмысления.

Прекрасный фильм «Акт убийства» (The Act of Killing, 2012) Джошуа Оппенхаймера и его продолжение, «Взгляд тишины» (The Look of Silence, 2014), открыли черный ящик, куда были заключены события 1965 г. в Индонезии, и заставили людей в нашей стране и за рубежом заглянуть в него. Оппенхаймер в своей работе мастерски использует принцип экстремального приближения. Я намеренно избрал противоположный подход, увеличив поле зрения до всемирного охвата, — и это не что иное, как попытка дополнить картину, созданную им. Я надеюсь, что зрители этих фильмов прочтут мою книгу, чтобы поместить их в более широкий контекст, а читатели посмотрят фильмы после того, как закроют книгу. Я также имею небольшой личный долг перед Джошуа за его руководство моими начальными изысканиями, но намного больше я обязан индонезийцам и другим историкам, особенно Баскара Вардае, Фериане Фирдаус и Брэдли Симпсону.

На мой взгляд, чтобы в полной мере рассказать историю тех событий и описать их последствия, а именно всемирную сеть уничтожения, которую они породили, нужно попытаться изложить более общую историю холодной войны. Очень часто забывают, что яростный антикоммунизм был мировой силой и что его сторонники преодолевали границы, обучаясь на успехах и провалах повсюду по мере того, как их движение набирало ход и одерживало победы. Для понимания случившегося нам нужно понять природу этих международных партнерств.

Это также история ряда людей, как американцев, так и индонезийцев или латиноамериканцев, переживших эти события, которые в огромной степени изменили их жизнь. Выбранная мной точка зрения и установленные связи, возможно, до известной степени были предопределены людьми, с которыми мне посчастливилось познакомиться, а также

моей собственной предысторией и знанием языков. Однако, на мой взгляд, их история в той же мере является историей холодной войны, что и любая другая, и, безусловно, в большей мере, чем любая история холодной войны, сфокусированная в первую очередь на белых жителях Соединенных Штатов и Европы⁶.

История, которую я здесь рассказываю, основывается на рассекреченной информации, консенсусе, достигнутом самыми осведомленными историками, и убедительных свидетельствах очевидцев. В значительной степени я полагаюсь на интервью, которые лично взял у выживших. Разумеется, я не имел возможности проверить все до единого их сообщения о своей жизни, в частности что именно они испытывали, во что были одеты или какого числа арестованы. Однако ни одна из деталей, включенных мной в книгу, не противоречит установленным фактам более общей истории, которые специалисты уже поведали. Я убедился, что рассказать ее максимально точно, следуя свидетельствам и с уважением к тем, кто все это пережил, возможно лишь при соблюдении определенных условий. Во-первых, история носит подлинно всемирный характер: все жизни на Земле считаются равноценными и никакие страны или действующие силы не рассматриваются априори как хорошие или плохие. Во-вторых, все мы слышали мудрость, что «историю пишут победители». К сожалению, обычно так оно и есть. Однако данная история противоречит этой тенденции: многие из ее центральных фигур относились к числу величайших неудачников XX столетия, — и мы не должны бояться того, что факты из их жизни противоречат общепринятым представлениям о холодной войне в англоязычном мире, пусть даже эти противоречия могут показаться победителям очень неприятными. Наконец, я совершенно отказываюсь от каких-либо домыслов и сопротивляюсь любому побуждению самостоятельно догадаться о том, что покрыто мраком тайны. Приходится признать, что многое в случившемся нам до сих пор не известно.

Таким образом, эта книга не опирается на гипотезы. Когда мы с коллегами натыкались на то, что казалось невероятными совпадениями — пожалуй, слишком невероятными, или на связи, которые мы не могли объяснить, то делали паузу в работе и обсуждали их, вместо того чтобы строить теории об их причинах.

И кое-какие закономерности нам, безусловно, удалось нащупать.

1

Новая эпоха господства Америки

Соединенные Штаты Америки, колония поселенцев из Западной Европы в Северной Америке, вышли из Второй мировой войны самым могущественным государством на планете. Это стало неожиданностью — и для большинства американцев, и для большей части мира.

США были молодым государством. Всего сто лет прошло с тех пор, как правительство, созданное в бывших британских колониях, завершило процесс включения в новую страну бывших французских и испанских территорий, в результате ее лидеры получили господство над огромной срединной полосой Северо-Американского континента. Для сравнения: европейские правители покоряли заморские территории на протяжении почти пяти веков. Их корабли плавали по всему миру и делили его, к вящей славе своих держав.

Называя Соединенные Штаты колонией поселенцев, мы подразумеваем, что процесс захвата этих земель белыми европейцами на протяжении нескольких столетий отличался от того, как завоевывалось большинство стран в Африке и Азии. Белые поселенцы прибыли сюда, чтобы остаться

навсегда, и коренное население было заведомо исключено из нации, которую те создали. Чтобы могла сформироваться новая страна, белая и христианская, аборигены должны были убраться прочь с дороги. Всем американцам еще в школе объясняют, что мощный религиозный фанатизм был важным фактором в процессе основания Соединенных Штатов. Пуритане, группа глубоко религиозных английских христиан, пересекли Атлантику не для того, чтобы работать на Англию. Они искали такое место, где можно будет построить более чистое, более строгое, пропитанное кальвинистским духом общество, чем у себя на родине. Можно сказать, они жаждали религиозной свободы, но, выражаясь иначе, стремились к созданию еще более однородного, фундаменталистского и теократического общества, чем то, что существовало в Европе XVII в.¹

В конце 1700-х гг. лидеры британских колоний в ходе революционной войны изгнали монархическую власть и создали поразительно эффективную систему самоуправления, существующую в слегка измененном виде по сей день. На мировой арене новая страна стала символом и воплощением революционных, демократических идеалов. Внутренняя ситуация, однако, была значительно менее однозначной. Соединенные Штаты оставались обществом безжалостного белого супрематизма. И поскольку коренное население априори исключалось из процесса государственного строительства, следствием стал геноцид.

На всем Американском континенте, от Канады до Аргентины, европейская колонизация уничтожила от 50 до 70 млн аборигенов — около 90% коренного населения. Недавно ученые пришли к выводу, что истребление это было настолько массовым, что изменило температуру на планете². В новорожденных Соединенных Штатах Америки искоренение местных племен продолжалось еще долго после провозглашения независимости от власти Британии. Граждане США продолжали покупать,

продавать, избивать, мучить и держать в собственности людей африканского происхождения вплоть до середины XIX в. Женщины получили общенациональное право голоса лишь в 1920 г. И если последние хотя бы могли воспользоваться им на практике, то темнокожих американцев, у которых тоже, теоретически, было избирательное право, к голосованию не допускали — посредством расистских кампаний террора и с помощью законов, отсекавших их от возможности реализовать гражданские права. На момент вступления во Вторую мировую войну Соединенные Штаты представляли собой то, что сегодня мы сочли бы обществом апартеида³.

В той войне, однако, на передний план выдвинулись лучшие стороны американского характера. Поначалу это было вовсе не очевидно. В 1930-х гг. некоторые американцы даже симпатизировали нацистам — сверхмилитаризованной, осуществлявшей политику геноцида и гордящейся своим расизмом авторитарной правящей партии Германии. В 1941 г. сенатор от штата Миссури Гарри Трумэн заявил: «Если мы увидим, что Германия побеждает в войне, то должны будем помочь России; если увидим, что побеждает Россия, должны будем помочь Германии, и пусть они уничтожают себе друг друга»⁴. Однако, когда США все-таки вступили в войну в союзе с британцами, французами и русскими против немцев и японцев, их войска сражались за освобождение заключенных из лагерей смерти и спасли ограниченные демократии Западной Европы от тирании. На фронте трагически погибли 500 000 человек, но те американские парни, что вернулись с войны, испытывали чувство обоснованной гордости за свои поступки: их поколение бросило вызов насквозь порочной системе, встало на защиту ценностей, на которых была построена их страна, и одержало победу.

Окончание Второй мировой войны стало началом нового мирового порядка. Европа была ослаблена, мир расколот на части.

Три мира

Второе сильнейшее в мире государство в 1945 г., Советский Союз, тоже вышло из войны победителем. И Советы тоже испытывали огромную гордость, но победа стоила им огромных жертв. Адольф Гитлер, лидер нацистской партии, ненавидевший их левую идеологию, безжалостно вторгся на территорию СССР. Прежде чем Советский Союз наконец-то отбросил немцев назад — в Сталинграде в 1943 г., что и стало, по всей видимости, поворотным моментом войны, за год до высадки американцев в Европе, — он понес катастрофические потери. К моменту, когда Красная армия в 1945 г. дошла до Берлина, оккупировав при этом значительную часть Центральной и Восточной Европы, погибло по меньшей мере 27 млн советских граждан⁷. Советский Союз был еще более молодой страной, чем Соединенные Штаты. Его создала в 1917 г. немногочисленная группа радикальных мыслителей, вдохновлявшихся учением немецкого философа Карла Маркса. Это произошло после того, как революция свергла обветшалую российскую монархию, правившую империей, которая была населена по большей части нищими крестьянами и считалась отсталой по сравнению с развитыми капиталистическими странами Западной Европы, где, как полагал Маркс — и Владимир Ленин, первый советский лидер, — в действительности должна была начаться мировая социалистическая революция. Втянутые в гражданскую войну, длившуюся с 1918 по 1920 г., революционеры-большевики применяли, как они сами выражались, «террор», чтобы сокрушить силы белых — рыхлой коалиции консерваторов, русских националистов и антикоммунистов, также практиковавших массовые убийства. После смерти Ленина, в 1924 г., его безжалостный преемник Иосиф Сталин подверг крестьянский класс насильственной коллективизации, создал экономику на основе центрального планирования и решал проблему реальных и мнимых врагов с помощью арестов и смертных приговоров. В результате массовых репрессий

в 1930-х гг. погибло несколько миллионов человек, в том числе целая когорта первых архитекторов революции, а сам Сталин тем временем подгонял идеологию международного коммунистического движения под свои политические нужды. Однако худшие стороны того, что происходило в стране, по большей части оставались тайной. Быстрая же индустриализация Советского Союза и последующий разгром нацистов — как и тот факт, что зачастую именно коммунисты оказывались первыми и наиболее энергичными в мире борцами и с фашизмом, и с колониализмом, — принесли стране в 1945 г. высокий престиж на мировой арене⁶.

Советы стали второй в мире супердержавой, но были намного слабее Соединенных Штатов во всех значимых отношениях. К концу 1940-х гг. на США приходилась как минимум половина мирового товарного производства. К 1950-м гг. экономика США, видимо, равнялась совокупной экономике всей Европы и Советского Союза⁷. Что касается военной силы, население СССР понесло огромные потери, и особенно они затронули тех, кого можно было мобилизовать для участия в новой войне. Сотни тысяч советских женщин бесстрашно сражались с нацистами, однако к 1945 г. сложился гендерный дисбаланс, по которому можно понять масштабы катастрофы: на каждые десять женщин в возрасте от 20 до 29 лет приходилось лишь семь мужчин⁸. США обладали превосходящей военной силой и, сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, продемонстрировали, какой апокалиптический ущерб способны причинить с воздуха.

Этот расклад мы и имеем в виду, говоря о «первом мире» и «втором мире» в годы после 1945-го. Первый мир состоял из богатых стран Северной Америки и Западной Европы, Австралии и Японии — все они разбогатели на колониализме. Их ведущая сила, Соединенные Штаты, поздно включилась в эту игру, во всяком случае за пределами Северной Америки, зато играла по-крупному. Молодые Соединенные Штаты получили контроль над Луизианой, Флоридой, Техасом и юго-

западом континента посредством войн или угроз нападения⁹. Затем Вашингтон захватил Гавайи, после того как группа бизнесменов свергла в 1893 г. королеву Лилиуокалани, и взял под контроль Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины в Испано-американской войне 1898 г. Филиппины, вторая по величине страна Юго-Восточной Азии, до 1945 г. оставались официальной колонией США, тогда как Куба перешла в неформальную сферу влияния США в Центральной Америке и Карибском бассейне (куда морская пехота США к 1920 г. вторгалась не менее 20 раз — ошеломляющая цифра!), а Пуэрто-Рико по сей день пребывает в имперском правовом вакууме¹⁰.

Вторым миром были Советский Союз и территории Европы, где разбила лагерь Красная армия. С момента своего основания СССР публично поддерживал всемирную борьбу с колониализмом и не осуществлял заморских империалистических инициатив, однако мир пристально следил за тем, как именно Москва станет реализовывать свое влияние в оккупированных странах Центральной и Восточной Европы.

Был и «третий мир» — все остальные, огромное большинство мирового населения. Этот термин появился в начале 1950-х гг. и первоначально имел только положительные коннотации. Лидеры новых национальных государств, подхватив это определение, произносили его с гордостью; в нем слышалась мечта о лучшем будущем, где угнетенные и порабощенные массы возьмут свою судьбу в собственные руки. Термин использовался в том же смысле, что и понятие «третье сословие» во Французской революции, обозначавшее восставший простой народ, который свергнет первое и второе сословия — дворянство и духовенство. «Третий» не означало третьесортный — скорее, речь шла о третьем, финальном акте: сначала первая группа богатых белых стран попробовала свои силы в создании мира, затем вторая, и вот появляется новое движение, полное энергии и возможностей, готовое показать, на что оно способно. Для большей части планеты третий мир был не просто категорией, он был движением¹¹.

В 1950 г. в третьем мире проживало более двух третей мирового населения, за немногими исключениями — под властью европейского колониализма¹². Части этих стран удалось освободиться от империалистического господства в XIX в., другие обрели независимость с уходом фашистских сил в конце Второй мировой войны, третьи попытались сделать это в 1945 г., однако подверглись вторичной оккупации армиями стран первого мира, а для многих война почти ничего не изменила, и они по-прежнему оставались несвободными. Все они унаследовали экономику, намного более бедную, чем в первом мире. После столетий рабства и жестокой эксплуатации они должны были сами о себе позаботиться и выбрать собственный путь к независимости и процветанию.

Согласно простой версии продолжения этой истории, только что обретшие независимость страны третьего мира должны были отбить империалистические контратаки, а затем решить, следовать ли им капиталистической модели, которой отдавали предпочтение Соединенные Штаты и Западная Европа, или попробовать построить социализм и пойти за Советским Союзом в надежде выбраться из нищеты и занять позицию важного мирового игрока так же стремительно, как русские. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее, чем в теории. Так или иначе, в 1945 г. еще можно было сохранять иллюзию, что они смогут поддерживать дружеские отношения и с Вашингтоном, и с Москвой.

Вьетнамец по имени Хо Ши Мин, прежде работавший ретушером фотографий в Париже и пекарем в Соединенных Штатах, принял революционный марксизм после того, как проклял капиталистические силы Запада за отказ признать суверенитет Вьетнама на мирной конференции в Версале после Первой мировой войны¹³. Он стал агентом Коммунистического интернационала, прежде чем возглавить Вьетминь — движение сопротивления японской оккупации в 1940-х гг. Однако, прибыв на площадь Ба Динь в центре Ханоя после двух ядерных ударов США по Японии, чтобы провозгласить 2 сентября

1945 г. независимость страны, он начал свою речь следующими словами: «Все люди созданы одинаковыми. Они наделены своим Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди них право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Это бессмертное заявление было сделано в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки в 1776 г. В более широком смысле оно означает: все люди на земле равны от рождения, все люди имеют право жить, быть счастливыми и свободными»¹⁴. Хо Ши Мин прославлял завещанные отцами-основателями Соединенных Штатов революционные идеалы, в которые лидеры США до сих пор глубоко верят, и пытался сказать миру, что вьетнамцы просто хотят того же, чего и остальные люди, а именно — права управлять собой самостоятельно. Он также пытался выжить в отчаянной ситуации. Французская колониальная армия вернулась, чтобы закрепить власть белых людей над Индокитаем, и Хо Ши Мин знал: последнее, что ему нужно, — это чтобы его движение за независимость захотела сокрушить еще и самая могущественная страна в истории человечества. Он обращался напрямую к декларируемым ценностям американского народа — так, как это делали в то время многие левые третьего мира.

В конце концов, Соединенные Штаты были союзником Советского Союза в борьбе с Гитлером. Только вот для облеченных властью людей в столице США ситуация виделась уже совсем в ином свете.

На самом деле крестовый поход Вашингтона против коммунистов начался задолго до Второй мировой войны. Сразу после революции 1917 г. в России президент Вудро Вильсон решил присоединиться к другим империалистическим силам, намереваясь помогать белым, пытавшимся отобрать власть у революционеров-большевиков. На то было две причины. Первая и главная — основы американской идеологии представляют собой полную противоположность коммунизму¹⁵. В них делается сильный упор на индивидуальное, а не коллективное и на идею свободы, прочно связанную с правом собственности.

В конце концов, именно на этом основывалась возможность обладать гражданскими правами в ранней Американской республике: только белые мужчины, владеющие собственностью, имели право голоса. Вторая — Москва позиционировала себя как геополитического и идеологического противника, предлагала альтернативный путь, пройдя которым, бедные люди могли осуществить модернизацию, не повторяя американский опыт¹⁶.

Однако в первые годы после Второй мировой войны произошло несколько событий, в результате которых антикоммунизм оказался в самом центре американской политики и обрел новую, крайне радикальную форму.

Реальный антикоммунизм

Начиналось все в Европе, в регионах, опустошенных Второй мировой войной. Вашингтонским руководителям не нравилось, что коммунистические партии победили на первых послевоенных выборах и во Франции, и в Италии¹⁷. В Греции возглавляемые коммунистами партизаны, одолевшие нацистов, отказались разоружиться или признать правительство, созданное под британским контролем, там разразилась гражданская война. Непокойно было и в Западной Азии. В Турции победивший Советский Союз потребовал допустить его к созданию морской базы в Ормузском проливе, спровоцировав небольшой политический кризис. В Иране, северная часть которого находилась под контролем Советов с 1941 г. (по соглашению с западными союзниками), возглавляемая коммунистами Народная партия Ирана стала самой крупной и наиболее организованной политической группой, а этнические меньшинства требовали независимости от шаха, то есть, по сути, короля, поставленного Британией.

Трумэн относился к Советскому Союзу намного менее терпимо, чем его предшественник, и искал возможность всту-